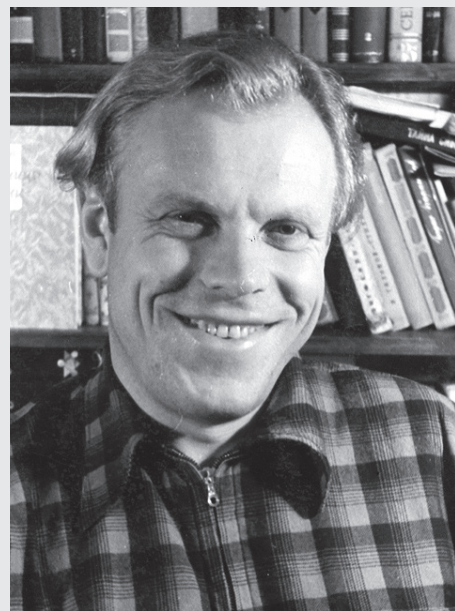

14 июня 95 лет со дня рождения Владимира СОЛОУХИНА

Владимир Алексеевич Солоухин родился 14.06.1924 в деревне Алепино во Владимирской области, в обычной крестьянской семье.

После школы в 1938 г. поступил в инженерное училище в г. Владимире, которое окончил в 1942 г., став механиком-инструменталистом. Когда началась война, Солоухина призвали в войска особого назначения, где он охранял Кремль.

Первые стихи поэта были опубликованы в "Комсомольской правде" в 1946 г. После этого он осознаёт своё настоящее призвание и поступает учиться в Литературный институт им. М. Горького, окончил который в 1951 г.

В 1953 г. выходит уже первый

собственный сборник стихотворений Солоухина "Дождь в степи". Затем издаются ещё несколько поэтических сборников: в 1959 г. – "Журавлиха", в 1962 г. – "Имеющий в руках цветы", в 1965 г. – "Жить на земле". С каждым новым стихом автор всё больше стремился к философскому пониманию жизни.

Начиная с 1951 г., Солоухин много путешествует по России и зарубежным странам, публикует репортажи в разных изданиях.

В 1964 г. Солоухиным был опубликован автобиографический роман, который он назвал "Мать-мачеха". Особенное место в творческом наследии писателя принадлежит его художественно-публицистическим

книжкам: "Письма из Русского музея" и "Черные доски", увидевшим мир в 1966 г. и 1969 г. соответственно.

На протяжении 1964-1981 гг. Солоухин был членом редакционной коллегии "Молодой гвардии". Проживая в столице, он не разрывал связь с родными местами и тамошними людьми. Кроме того, Солоухин был одним из тех, кто организовал общественное движение за сохранение исторических памятников, достопамятных мест, активистом "Русского клуба". Отголоски этого можно найти в его произведениях.

Умер Владимир Алексеевич Солоухин в Москве 04.04.1997. Посмертно в 1998 г. были изданы его мемуары "Чаша".

НОЖИЧЕК С КОСТЯНОЙ РУЧКОЙ

Из Москвы мне привезли небольшой перочинный ножик с костяной ручкой и двумя зеркальными лезвиями. Одно лезвие побольше, другое – поменьше. На каждом – ямочка, чтобы зацеплять ногтем, когда нужно открыть. Пружины новые, крепкие – попрыгаешь, прежде чем откроешь лезвие. Зато обратно – только немного наклонишь, так и летит лезвие само, даже ещё и щёлкает на зависть всем мальчишкам. Отец наточил оба лезвия на камне, и ножик превратился в бесценное сокровище. Например, нужно срезать ореховую палку. Нагнёшь лозу, найдёшь то место, где самый изгиб, приставишь к этому месту ножик – и вот уже облегчённо раздаётся древесина, а лоза висит почти что на кожице. Может быть, не все мне поверят, но палку толщиной с большой палец я перерезал своим ножиком с одного раза, если, конечно, взять поотложе, чтобы наискосок.

С 1 сентября открылось ещё одно преимущество моего ножа. Даже сам учитель Фёдор Петрович брал у меня ножик, чтобы зачинить карандаш. Неприятность как раз и произошла на уроке, при Фёдоре Петровиче. Мы с Юркой решили вырезать на парте что-нибудь вроде буквы «В» или буквы «Ю» (теперь, во втором классе, мы уже знали все буквы), и я полез в сумку, чтобы достать ножик.

Рука, не встретив ножика в привычном месте, судорожно мыкнулась по дну сумки, заметалась там среди книжек и тетрадей, а под ложечкой неприятно засосало, и ощущение неоправданности свершившегося холодом скользнуло вдоль спины. Забыв про урок и про учителя, я начал выворачивать карманы, шарить в глубине парты, полез в Юркино отделение, но тут Фёдор Петрович обратил внимание на мою возню и мгновенно навис надо мной во всём своём справедливым учительском гневе.

– Что случилось, почему ты под партой? (Значит, уж сполз я под парту в рвении поисков.) Встань как следует, я говорю!

Наверно, я встал и растерялся, и, наверно, вид мой был достаточно жалок, потому что учитель смягчился.

– Что случилось, можешь ты мне сказать?

– Ножик у меня украли... который из Москвы...

Почему я сразу решил, что ножик украли, а не я сам его потерял, неизвестно. Но для меня-то сомнений

не было: конечно, кто-нибудь украл – все ведь завидовали моему ножу.

– Может, ты забыл его дома? Вспомни, подумай хорошенько.

– Нечего мне думать. На первом уроке он у меня был, мы с Юркой карандаши чинили... А теперь нету...

– Юрий, встань! Правда ли, чинили карандаши на первом уроке?

Юрка покраснел, как варёный рак. Ему-то наверняка не нравилась эта история, потому что сразу все могли подумать на него, раз он сидит со мной рядом на одной парте. Про карандаши он честно сознался:

– Чинили.

– Ну, хорошо, – угрожающе произнёс Фёдор Петрович, возвращаясь к своему столу и оглядывая класс злыми глазами. – Кто взял нож, подними руку.

Ни одна рука не поднялась. Покрасневшие лица моих товарищей по классу опускались ниже под взглядом учителя.

– Ну, хорошо! – Учитель достал список. – Барсукова, встань! Ты взяла нож?

– Я не брала.

– Садись. Воронин, встань! Ты взял нож?

– Я не брал.

Один за другим вставали мои товарищи по классу, которых теперь учитель (а значит, вроде б и я с ним заодно) хотел уличить в воровстве. Они вставали в простеньких деревенских платьишках и рубашонках, растерянные, пристыженные: их ручонки, не привыкшие к обращению с чернилами, были все в фиолетовых пятнах. Каждый из них краснел, когда вставал на окрик учителя, каждый из них отвечал одно и то же: «Я не брал...»

– Ну, хорошо, – в последний раз произнес Фёдор Петрович. – Сейчас мы узнаем, кто из вас не только вор, но ещё и трус и лгун. Выйти всем из-за парт, встань около доски!

Всех ребятшек, кроме меня, учитель выстроил в линейку около классной доски, и в том, что я остался один сидеть за партой, почудилась мне некая отверженность, некая грань, отделившая меня ото всех, грань, которую перейти мне потом, может быть, будет не так просто.

Первым делом Фёдор Петрович стал проверять сумки, портфелишки и парты учеников. Он копался в вещичках ребятшек с пристрастием; и мне уж в этот момент (не предвидя ещё всего, что случится потом) было

стыдно за то, что я невольно затеял всю эту заварушку.

Прозвенел звонок на перемену, потом снова на урок, потом снова, но теперь не на перемену, а идти домой, – поиски ножа продолжались. Мальчишки из других классов заглядывали в дверь, глазели в окна: почему мы не выходим после звонка и что у нас происходит? Нашему классу было не до мальчишек.

Тщательно обыскав все сумки и парты, Фёдор Петрович принялся за учеников. Проверив карманы, обшарив пиджачки снизу (не спрятал ли за подкладку?), он заставил разуваться, развертывать портянки, снимать чулки и, только вполне убедившись, что у этого человека ножа нет, отправлял его в другой конец класса, чтобы ему не мог передать пропавшее кто-нибудь из тех, кого ещё не обыскивали.

Постепенно ребят около доски становилось всё меньше, в другом конце класса всё больше, а ножика нет как нет!

И вот что произошло, когда учителю осталось обыскать трёх человек. Я стал укладывать в сумку тетради и книжки, как вдруг мне на колени из тетрадки выскользнул злополучный ножик. Теперь я уж не могу восстановить всего разнообразия чувств, нахлынувших на меня в одно мгновение. Ручаться можно только за одно – это не была радость от того, что пропажа нашлась, что мой любимый ножик с костяной ручкой и зеркальными лезвиями опять у меня в руках. Напротив, я скорее обрадовался бы, если бы он провалился сквозь землю, да, признаться, и самому мне в то мгновение хотелось провалиться сквозь землю.

Между тем обыск продолжался, и мне, прожившему на земле восемь лет, предстояло решить одну из са-

мых трудных человеческих психологических задач.

Если я сейчас не признаюсь, что ножик нашёлся, всё для меня будет просто. Ну, не нашли – не нашли. Может, его кто-нибудь успел спрятать в щель, за обои, в какую-нибудь дырочку в полу. Хватает щелей в нашей старой школе. Но значит, так и останется впечатление, что в нашем классе учится воришка. Может быть, каждый будет думать на своего товарища, на соседа по парте.

Если же я сейчас признаюсь... О, подумать об этом было ужасно!.. Значит, из-за меня понапрасну затеялась вся эта история, из-за меня каждого из этих мальчишек и девчонок унижительно обыскивали, подозревали в воровстве. Из-за меня их оскорбили, обидели, ранили. Из-за меня, в конце концов, сорвали уроки... Может быть, им все-таки легче думать, что их обыскивали не зря, что унизили не понапрасну?

Наверно, не так я всё это для себя сознавал в то время. Но помню, что провалившись сквозь землю казалось мне самым лёгким, самым желанным из того, что предстояло пережить в ближайшие минуты.

Встать и произнести громко: «Ножик нашёлся» – я был не в силах. Язык отказался подчиниться моему сознанию, или, может, сознание недостаточно четко и ясно приказывало языку. Потом мне рассказали, что я, как лунатик, вышел из-за парты и побрёл к учительскому столу, вытянув руку вперед: на ладони вытянутой руки лежал ножик.

– Растяпа! – закричал учитель (это было его любимое словечко, когда он сердился). – Что ты наделал!.. Вон из класса!.. Вон!

Потом я стоял около дверей школы. Мимо меня по одному выходили ученики. Почти каждый из них, проходя, задерживался на секунду и протяжно бросал:

– Эх, ты!..

Не знаю почему, я не бежал домой, в дальний угол сада, где можно было бы в высокой траве отлежаться, отплакаться вдалеке от людей, где утихла бы боль горького столкновения неопытного мальчишечьего сердца с жизнью, только ещё начинающейся.

Я упрямо стоял около дверей, пока мимо меня не прошёл весь класс. Последним выходил Фёдор Петрович.

– Растяпа! – произнёс он снова злым шёпотом. – Ножик у него украли... Эх, ты!..